

Н. Е. БЕРЕГОЙ

ИЗ ИСТОРИИ ПРОВАЛА ЗАКОНОПРОЕКТА ПО ОГРАНИЧЕНИЮ ВИВИСЕКЦИИ В РОССИИ (1901–1906)

Вивисекция – это хирургическая операция, которая проводится в экспериментальных целях на живом организме. Название метода происходит от латинского слова *vivisection*, что дословно означает живосечение. Это название было широко распространено в XIX в., как и сам метод, приобретший в этот исторический период основное значение для многих биологических и медицинских наук.

Согласно определению, данному физиологом князем И. Р. Тархановым, вивисекция, или живосечение, «есть оперативный прием, применяемый на живых животных, с целью выяснения отправления тех или других органов нашего тела, и в особенности внутренних, мало или вовсе недоступных непосредственному наблюдению»¹. И. П. Павлов в статье, посвященной живосечению, писал, что ни одна из физиологических наук, будь то физиология, патология или фармакология, не имеют никакого другого средства достичь полного решения своей задачи, кроме как «обращаясь к живому организму и подвергая его тщательному изучению путем опыта и наблюдения»². Вивисекционный метод сыграл решающую роль в становлении экспериментальной физиологии, и уже к середине XIX в. ни одно исследование не могло считаться действительно научным, если при его проведении не использовались экспериментальные данные, полученные путем «острых опытов».

В то же время вивисекция приобрела популярность у широкой общественности, и не только в образованных или околонуучных кругах, она попала и в поле зрения защитников животных. Уже в первой половине XIX в. такие общества появились во многих странах Европы. Широкую огласку и неоднозначную реакцию со стороны общественности в 1863 г. получил скандал, его участниками стали председатель Британского общества защиты животных Ф. П. Кобб и физиолог М. Шифф. Скандал разгорелся вокруг лаборатории профессора Морица Шиффа, работавшего во Флоренции в 1863–1874 гг. и, по свидетельствам очевидцев, производившего каждый год в своей лаборатории наиболее жестокие опыты на сотнях животных. Руководительница Британского общества защиты животных Фрэнсис Кобб, находившаяся в Италии в одно время с профессором Шиффом, обвинила его не только в аморальном поведении в отношении животных, но и поставила под сомнение его научную

¹ Тарханов И. Р. Вивисекция // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1892. Т. VI. С. 218.

² Павлов И. П. Живосечение // Реальная энциклопедия медицинских наук. СПб., 1893. С. 239.

репутацию³. Активность британских защитников животных, включивших защиту лабораторных животных в сферу своих интересов, привела к образованию в Великобритании специального антививисекционного общества. В 1870-е гг. подобные общества открылись и в других государствах, и хотя их деятельность не носила международный характер, национальные антививисекционные движения, полностью обособившиеся от основных обществ защиты животных, безусловно, оказывали влияние друг на друга и заимствовали методы ведения полемики.

Раньше других антививисекционные движения как общественный феномен сформировались в Англии, США и Германии. Задачей, которую они перед собой ставили, было если не полное запрещение вивисекционного метода, то хотя бы установление определенных ограничений в использовании животных в научных экспериментах. Однако успеха на этом поприще смогли добиться лишь английские антививисекционисты, чья деятельность привела к созданию Королевской комиссии, рассмотревшей многочисленные свидетельства за и против вивисекции и в результате высказавшейся в поддержку принятия ограничительного закона в этой области⁴. Британский закон 1876 г. (*Cruelty to Animals Act*) стал первым в мире и послужил образцом для антививисекционистов других стран.

В России с 1865 г. также существовало общество защиты животных под названием Российское общество покровительства животным (РОПЖ). Уже в первые годы работы проблема вивисекции привлекла внимание некоторых его членов⁵, но, несмотря на это, большой дискуссии она не вызвала. Движение в том виде, в каком оно существовало на Западе, в России не сформировалось, так как не произошло отделение антививисекционного общества от РОПЖ. Тем не менее можно говорить о том, что в России антививисекционизм существовал как форма общественной деятельности в рамках более широкого движения в защиту животных. Изучить и понять динамику российского антививисекционизма позволяет предлагаемая нами периодизация. Можно выделить три этапа, которые были разными как по продолжительности, так и по характеру и интенсивности дебатов: 1868–1881; 1882–1900; 1901–1909. К последнему из этих этапов относится главное событие российского антививисекционизма – создание и продвижение ограничительного законопроекта, судьбе которого и посвящен данный очерк.

В 1901 г. Московский отдел РОПЖ издает книгу «Жестокости современной науки», где среди информации, заимствованной из переводных изданий, помещено много указаний на работы русских физиологов и врачей и вскрыты факты жестокого обращения с животными в отечественных научных учреждениях. Выводы о жестокости сделаны на основании российской медицинской периодики и опубликованных диссертаций, но были и свидетельства очевидцев. Так, в главе, посвященной условиям содержания опытных животных, приведены показания члена РОПЖ Е. Е. Мейснер, которая искала свою пропавшую в 1900 г.

³ Подробнее об этом см.: *Guarnieri, P. Moritz Schiff (1823–1896). Experimental physiology and noble sentiment in Florence // Vivisection in historical perspective / Ed. by Nicolaas A. Rupke. London, 1990. P. 105–124.*

⁴ Royal commission on vivisection. London, 1876.

⁵ См.: *Юрлов В.* По вопросу о научных операциях над животными (castric vivisection) // Вестник Российского общества покровительства животным. СПб., 1868. № 11. С. 85–87.

собаку и смогла проникнуть в некоторые собачники Петербурга. Она дала такое описание происходившего там: «Животные, с выкатившимися от боли глазами, лежат в полубессознательном состоянии в клетках и под клетками; другие жалобно воют и бьются к выходу... Муки их не ограничены даже освобождением смерти, так как их нередко залечивают с тем, чтобы вновь истязать»⁶. Последнее замечание, если снять с него эмоциональную окраску, было фактически справедливо, так как введенный в начале XX в. физиологом И. П. Павловым метод «хронического эксперимента» позволял сохранять прооперированным животным жизнь для дальнейших наблюдений и нередко повторных операций. Собачники существовали в Петербурге в здании Военно-медицинской академии (ВМА), в клинике Бехтерева и многих других учреждениях, и, по словам очевидцев, в каждом из них содержались приблизительно 20 собак.

На последних страницах книги «Жестокости современной науки» был напечатан проект ходатайства, его РОПЖ намеревалось адресовать министру внутренних дел Д. С. Сипягину. Оно включало 10 требований, главными из них были: обязательная наркотизация и умерщвление опытного животного до окончания действия наркоза; запрещение демонстрации опытов во время лекций; право присутствия при всех опытах представителей из Общества покровительства животным⁷.

Активные действия по продвижению этого проекта связаны с именем баронессы Веры Илларионовны Мейендорф, супруги командующего императорским казачьим конвоем генерал-майора барона А. Е. Мейендорфа. Будучи убежденной противницей любых форм жестокого обращения с животными, баронесса еще в 1901 г. стала принимать участие в делах РОПЖ, а в феврале 1902 г., после утверждения нового устава и реорганизации, была избрана председателем Главного правления и почетным членом Санкт-Петербургского отдела. Баронесса использовала личные связи с матерью-императрицей Марией Федоровной и добилась, чтобы она взяла РОПЖ под свое покровительство⁸. С приходом В. И. Мейендорф к управлению РОПЖ борьба с вивисекцией стала чуть ли не основным направлением его деятельности. В этом вопросе баронесса проявила огромное упорство. Она поставила задачу – добиться утверждения законопроекта, составленного членами Московского отдела и во многом повторяющего положения принятого в 1876 г. британского закона и изданного в Германии циркуляра 1885 г.

Сопроводительное письмо под заглавием «О вивисекции как о возмутительном и бесполезном злоупотреблении во имя науки» было написано лейб-хирургом императорского двора Г. И. Гиршем по просьбе баронессы. 28 февраля 1903 г. В. И. Мейендорф прочла на эту тему доклад на приеме у Марии Федоровны, которая, выслушав его, собственноручно написала на полях: «Прошу обратить серьезное внимание». В марте председательница Главного правления РОПЖ передала законопроект с сопроводительным письмом в Министерство народного просвещения и обратилась к министру Г. Э. Зенгеру с просьбой принять меры к искоренению жестоких приемов вивисекции в подведомственных ему учреждениях. Министерство в свою очередь предложило

⁶ Жестокости современной науки. М., 1901. С. 31.

⁷ Там же. С. 47.

⁸ Отчет о деятельности Российского общества покровительства животным за 1901 г. СПб., 1902. С. 4.

начальникам учебных округов передать этот вопрос на обсуждение медицинским факультетам университетов.

Пока университеты обсуждали законопроект и присылали свои отзывы, вопрос этот рассматривался и в Военно-медицинской академии. На заседании конференции ВМА 19 апреля 1903 г. был заслушан доклад баронессы Мейендорф и сформирована комиссия, в ее состав вошли профессора И. П. Павлов, Н. П. Кравков и П. М. Альбицкий. Свое заключение они дали 17 января 1904 г. Заключение содержало два основных вывода, первый давал оценку всем предложенным требованиям относительно изменения процедуры проведения опытов и состоял в утверждении, что автор доклада совершенно не знаком с тем предметом, о котором судит. Второй вывод касался последнего положения законопроекта, затронувшего святое святых научного сообщества – свободу исследований и научной деятельности. Комиссия категорически заявила, что контроль членов РОПЖ не только унизителен для науки, но и опасен для человеческого блага⁹. К резолюции прилагалось особое мнение И. П. Павлова:

В негодовании и с глубоким убеждением говорю я себе и позволяю сказать другим: нет, это – не высокое и благородное чувство жалости к страданиям всего живого и чувствующего; это – одно из плохо замаскированных проявлений вечной вражды и борьбы невежества против науки, тьмы против света¹⁰.

Узнав об этом, баронесса поняла, что исход дела может оказаться неблагоприятным для антививисекционистов. Чтобы найти как можно больше сторонников в обществе, в первом номере журнала РОПЖ «Защита животных» за 1904 г. был опубликован текст доклада, сопровождавшего предложенный законопроект¹¹. После чего, 28 февраля, В. И. Мейендорф направила в Министерство народного просвещения еще одно письмо, она просила образовать особую комиссию с участием представителей Главного правления РОПЖ для рассмотрения отзыва ВМА, а также тех, которые еще будут получены от медицинских факультетов. По неблагоприятному для антививисекционистов стечению обстоятельств с конца января исполнял обязанности министра С. М. Лукьянов, патофизиолог, он до получения в 1902 г. места товарища министра народного просвещения, т. е. с 1894 г. по 1902 г., был директором Императорского Института экспериментальной медицины (ИИЭМ). Как ученый С. М. Лукьянов имел собственное профессиональное суждение о вивисекции и значении ее для науки. С 1886 г. до назначения на пост директора ИИЭМ он занимал кафедру общей патологии в Варшавском университете, где издал ряд работ по патофизиологии на русском и немецком языках. Будучи уже в Петербурге, он принимал участие (в качестве председателя) в организации биологического отдела научной медицины на XI Съезде естествоиспытателей и врачей и состоял председателем организационного комитета на IX Съезде русских врачей им. Н. И. Пирогова¹². Неудивительно, что он не удовлетворил

⁹ Заключение комиссии о вивисекции и особое мнение Павлова // Известия Военно-Медицинской Академии. 1904. Т. VIII. № 3 (март). С. 322–328.

¹⁰ Там же. С. 328.

¹¹ О вивисекции как о возмутительном и бесполезном злоупотреблении во имя науки // Защита животных. 1904. № 1. С. 5–10.

¹² Современная Россия в портретах и биографиях выдающихся деятелей. СПб., 1905. С. 79.

просьбу баронессы о создании специальной комиссии с участием антививисекционистов. Вместо этого он продолжил собирать отзывы медицинских факультетов и, когда они были собраны, передал все материалы по этому делу в Президиум Императорской Академии наук с отношением от 8 июня 1904 г. (№ 1745), чтобы Академия дала свой отзыв и сообщила о нем министерству с возвращением приложения¹³. По мнению Лукьянова, окончательный ответ академиков должен был навсегда закрыть этот вопрос. Однако оказалось, что и среди членов Академии нашлись сочувствующие антививисекционистам.

Для рассмотрения материалов дела была создана комиссия из академиков А. С. Фаминцына, В. В. Заленского и И. П. Бородина под председательством академика Ф. В. Овсянникова. Несмотря на кажущуюся простоту задачи, стоявшей перед ними, потребовалось полтора года, чтобы представить заключение в заседании Физико-математического отделения. 11 января 1906 г. Ф. В. Овсянников прочел доклад, который был настолько краток, что его можно привести здесь полностью:

1. Опыты над животными производятся в России исключительно с научной целью для выяснения физиологических отправлений отдельных органов и систем человеческого тела, влияния на организм ядов и целебных веществ, а также и болезнетворных бактерий;
2. все категории опытов дали ценные научные результаты и очень полезные практические указания;
3. мнение, что лекарственные средства действуют на животных иначе, чем на человека, не имеет под собою научной почвы;
4. анестезия применяется в громадном числе случаев, но есть опыты, которые совсем не вызывают боли и не требуют анестезии;
5. употребление кураре запрещению не подлежит, так как оно не заменимо никаким другим средством;
6. опыты над людьми в России в том направлении, в каком они производятся над животными, не делаются; опыты над людьми запрещены законом;
7. если иногда находили, что животные, предназначенные для научных опытов, содержались дурно, то это зависит от недостатка материальных средств и гигиенически приспособленных к этой цели помещений;
8. доступ посторонним лицам в вивисекционные комнаты, а равно и в помещения для животных, разрешается заведующим соответственным учреждением, то есть директорам лаборатории¹⁴.

Дополнительно было сказано о том факте, что абсолютно все медицинские факультеты и ветеринарные училища придерживаются того же мнения, о чем они сообщили в своих отзывах, переданных в Министерство народного просвещения, а оттуда в ФМО. Вывод комиссии был прост: установление законодательных мер для ограничения вивисекций не представляется возможным, так как оно явилось бы «тормозом к дальнейшему развитию целого ряда наук, оказавших великие услуги человечеству»¹⁵. Но вопрос еще не был закрыт.

¹³ Протоколы заседаний Физико-математического отделения Императорской Академии наук за 1904 г. Заседание № 10 от 1 сентября, § 244.

¹⁴ Протоколы заседаний Физико-математического отделения Императорской Академии наук за 1906 г. Заседание № 1 от 11 января, § 13.

¹⁵ Там же.

В следующем заседании 25 января академик князь Б. Б. Голицын выступил с речью в поддержку предложенного законопроекта и с критикой в адрес комиссии. Он высказал точку зрения, что требования РОПЖ в отношении вивисекции вполне разумны, так как касаются только ограничений неоправданной жестокости, но не полного ее запрещения. Б. Б. Голицын привел примеры подобной жестокости, которые известны многим физиологам и осуждаемы ими. Комиссию он подверг критике за то, что, проработав полтора года, она не смогла достаточно подробно изучить ни один из тезисов доклада баронессы Мейендорф, ограничившись лишь восьмью сухими пунктами. Закончил он свое пространное выступление довольно смелым суждением:

Во всяком случае, тезисы, выставленные Обществом покровительства животных, заслуживали бы, по моему мнению, более внимательного отношения к себе со стороны академической Комиссии, а не такого огульного отрицания, как то нам представлено в докладе, тем более что Общество пока только ходатайствует (см. письмо председательницы Общества на имя товарища министра народного просвещения Лукьянова от 28 февраля 1904 года за № 191) о том, чтобы по получении отзывов названных учреждений образовать особую Комиссию для рассмотрения таковых, при участии в Комиссии представителей от Главного правления Российского общества покровительства животных.

Это скромное ходатайство Общества, имеющее единственной целью обсудить те допустимые мероприятия, которые возможно было бы предложить для ограждения от злоупотреблений вивисекцией, заслуживало бы, по моему мнению, полной поддержки со стороны Академии.

Наконец, ссылка академической комиссии на постановления медицинских факультетов наших университетов и ветеринарного училища представляется мне совершенно излишней. Академия наук достаточно самостоятельное и компетентное учреждение, чтобы иметь свое собственное, определенное суждение, не справляясь с мнением других ученых коллегий. Если Академия наук, по всестороннему изучении вопроса, какого изучения мы, к сожалению, в докладе академической комиссии не встречаем, пришла к заключению, что выработка некоторых законоположений, ограничивающих злоупотребление вивисекцией, желательна, то она должна иметь смелость открыто это сказать, открыто высказать правду, не боясь несправедливых и пристрастных отзывов, якобы она своим постановлением тормозит развитие науки ¹⁶.

В следующем заседании 8 февраля академик Овсянников представил подробный разбор всех предложенных РОПЖ положений законопроекта, представив его краткой исторической справкой о происхождении антививисекционизма в Западной Европе и проникновении этих идей в Россию. Он не изменил своего мнения и на все призывы академика Голицына к компромиссу с антививисекционистами ответил однозначно:

В своей записке князь Б. Б. Голицын говорит, что если выработка некоторых законоположений, ограничивающих злоупотребление вивисекцией, желательна, то Академия наук должна иметь смелость открыто это сказать и высказать правду, не боясь несправедливых и пристрастных отзывов, что Академия наук своим постановлением тормозит развитие науки. Полагаю, что ни

¹⁶ Протоколы заседаний Физико-математического отделения... Заседание № 2 от 25 января, § 51.

члены комиссии, ни члены Отделения не нуждаются в ободрении высказать открыто правду по настоящему вопросу, и думаю, что если бы князь Б. Б. Голицын сам был несколько более осведомлен о пользе, приносимой вивисекциями, и был знаком с теми методами, которые употребляются в настоящее время при опытах над животными, то он сам счел бы свое предложение лишним, а равно и свою окончательную формулировку постановления Академии ¹⁷.

В результате этих дебатов заседание утвердило как окончательный последний, подробный доклад Ф. В. Овсянникова, смысл которого, впрочем, сводился все к тем же изначальным лаконично и четко сформулированным тезисам. По просьбе Б. Б. Голицына, высказанной в следующем заседании, было сделано лишь одно добавление – указание на то, что баронесса Мейендорф не могла заранее ознакомиться с заключениями медицинских факультетов, так как они сразу же были направлены в Академию наук, а потому и обвинять ее в напрасном беспокойстве уважаемого академического общества нельзя ¹⁸. Это заключение и было передано в Министерство внутренних дел.

Так завершилась история не принятого в России закона, ограничивающего вивисекции. Несмотря на то что публикационная деятельность РОПЖ продолжалась и после 1906 г., никаких серьезных попыток оградить подопытных животных от жестокого обращения со стороны ученых-экспериментаторов антививисекционисты не предпринимали вплоть до конца существования РОПЖ.

Следует сказать, что Россия до сих пор остается одной из немногих стран, где права лабораторных животных законодательно никак не защищены. В то время как в других странах, где антививисекционисты точно так же не добились результатов в XIX в., уже давно вступил в силу ряд национальных законодательств, основанных на Европейской конвенции от 18 марта 1986 г. и Директивах Совета ЕЭС от 24 ноября по защите животных, используемых в экспериментальных целях ¹⁹.

¹⁷ Протоколы заседаний Физико-математического отделения... Заседание № 3 от 8 февраля, § 73.

¹⁸ СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1906. Д. 7. Л. 27–32.

¹⁹ См.: *Копаладзе Р. А.* Регламентация экспериментов на животных – этика, законодательства, альтернативы. Обзор. М., 1998.

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Г. Г. КРИВОШЕИНА

А. П. БОГДАНОВ – ИСТОРИК И ЛЕТОПИСЕЦ МОСКОВСКОЙ НАУКИ

Сейчас об Анатолии Петровиче Богданове кроме историков науки вспоминают разве что сотрудники некоторых московских музеев, а между тем в последней трети XIX в. его имя не сходило со страниц русских газет. Одни авторы хвалили его и писали восторженные отзывы об организованных им в Москве научных выставках и о деятельности созданного по его инициативе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), которое иначе как «Богдановским» не называли. Другие в резкой форме критиковали начинания Богданова и посвящали ему язвительные фельетоны вроде чеховских «Фокусников». Но все сходились на том, что Богданов обладал удивительными организационными способностями: он брался за дела, которые никому другому были не под силу, и всегда доводил их до конца. Московские акклиматизационные выставки (1858, 1863), Русская этнографическая (1867), Политехническая (1872), Антропологическая (1879) и другие выставки, международные конгрессы – по антропологии (1879), доисторической археологии (1892) и зоологии (1892), Музей прикладных знаний (Политехнический) и Дашковский этнографический музей, кафедра и музей антропологии при Московском университете – это неполный перечень того, чем Москва была обязана Богданову.

За этими масштабными событиями в тени остается научная и преподавательская деятельность Богданова в Московском университете, которому он отдал 38 лет своей жизни (не считая времени учебы). И если его заслуги в создании московской школы антропологии общепризнаны, то научная ценность его вклада в развитие зоологии неоднократно подвергалась сомнению или полностью отрицалась. Как и почему сложилось такое мнение, и насколько объективным его можно считать, мы здесь касаться не будем¹. Отметим лишь следующее. Действительно, Богданов почти не оставил оригинальных зоологических исследований. Большинство его работ носило компилятивный или прикладной характер. Но если для зоологов они и не представляют особого интереса, то с точки зрения историка науки содержат любопытнейший материал, относящийся к развитию естествознания в России.

Богданова называют «одним из первых историков отечественной зоологии»². Райков по этому поводу замечает: «Наряду с Бэрм Богданов является

¹ Частично эти вопросы рассмотрены в: *Райков Б. Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.–Л., 1959. Т. 4; *Кривошеина Г. Г.* Либералы и консерваторы в Московском университете (К истории естествознания в России второй половины XIX в.) // История социокультурных проблем науки и техники. Сб. трудов. Вып. 2. М., 2004. С. 139–162.

² *Бабий Т. П. и др.* Биологи. Биографический справочник. Киев, 1984. С. 79.